

ПАВАРОТТИ ВЫБРАЛ СИБИРЯКА

Как родился дуэт легендарного тенора и Дмитрия Хворостовского

После того как Дмитрий Хворостовский с Натальей Троицкой открыли нынешний сезон в Большом театре, о молодом сибирском баритоне у нас пишут, по жалуй, не меньше, чем на Западе, где его, как ни печально оценили раньше нас. В марте я рассказывал читателям «Трудах» о феноменальном успехе его первого американского турне. За ним, как и следовало ожидать, последовало второе, только что закончившееся. О нем уйдет речь, поскольку я имел счастье находиться в зале во время обоих выступлений Хворостовского в Нью-Йорке.

Концертный зал «Карнеги Холл» известен так же, как миланская опера «Ла Скала» или лондонский «Альберт-Холл». Показать свое искусство на его сцене почитают за честь крупнейшие мастера вокала любой страны. Особенно в нынешнем году, когда «Карнеги-Холл» отмечает столетний юбилей и отбор исполнителей происходит строго. Первый раз Хворостовский поднялся на эти подмостки малоизвестным «загадочным сибирским самородком». Теперь же аудитория ждала певца, сумевшего утвердить свою репутацию.

Задолго до концертов Фрэнк Риццо, маститый музыковед, член директорских советов ряда культурных фондов и центров, а также человек, открывший Дмитрия для Америки (он был членом жюри на конкурсе «Певец мира» в Кардиффе, где Хворостовский занял первое место), беспочвенно о том, что он может не справиться с коварной акустикой, которой известен «Карнеги-Холл». Он выявляет не только малейшую фальшь, но даже неровность тона. Пока Дмитрий пел, Риццо поднимался на различные ярусы, прислушиваясь и потом удовлетворенно сообщал мне, что опасения были напрасны: голос его «открытия» и в «Карнеги» звучит великолепно.

Видимо, остальные слушатели разделяли его мнение (за собраться можно сказать, интеллектуальная элита Нью-Йорка), потому что аплодисменты, довольно сдержанные вначале, после «Пиета, сеньора» Алессандро Страделли нарастают с энергией горной лавины. Казалось, после коронной арии Хворостовского — Родриго из «Дона Карлоса» Верди — восторг был столь бурный, что дальше уже некуда, но, как всегда, на ноги зал подняла «Ноченка», которую Дмитрий поет без аккомпанемента. Сидевшие вокруг меня скептики в

Дмитрий Хворостовский в мировой прессе

конце концов отбили ладони, снова и снова вызывая певца на бис.

А обычно улыбчивый, любящий хорошую шутку, умеющий держаться со всеми одинаково ровно, Дмитрий после концерта появился из своей комнаты за сценой не только усталый, но и хмурый. Перед ним выстроилась длинная очередь желающих получить автограф, но это не улучшило его настроения: он уловил в своем исполнении какие-то ему одному ведомые дефекты. Напрасно Риццо и другие знатоки уверяли его, что концерт прошел триумфально. Он был собой недоволен. И этого не могли исправить появившиеся затем в рецензиях такие выражения, как «замечательный голос», «богатый и красивейший тон, скользящий от регистра к регистру без малейшей шероховатости», «волны восхитительной тональности и вокального совершенства». Дмитрий упрямо твердил, что там-то и там-то следовало спеть совсем иначе.

Выше я процитировал оперного критика из «Нью-Йорк таймс» Бернарда Холланда, который неоднократно доказал, что может быть и беспощадным судьей. А тут он и нового аккомпаниатора москвича Михаила Аркадьева назвал «великолепным партнером» певца. Что в полной мере соответствует действительности. Впрочем, мистер Холланд сделал существенную оговорку: Хворостовскому нужно еще много поработать, приобретать опыт, чтобы полностью раскрыть свой потенциал. Он не подозревал, что молодой человек, успевший стя-

жать международную известность, ангажированный лучшими театрами мира на годы вперед, понимает это лучше всех критиков, вместе взятых.

В промежутке между «Карнеги» и следующим его выступлением у нас состоялся очень любопытный разговор. Дмитрий побывал на оперном спектакле, где пел Лучано Паваротти, и на вопрос о его впечатлении ответил мне так: «Ну, мне тут делать нечего...» Самое интересное, что он не шутил. Конечно, не в полном смысле «делать нечего», но, как бы размышляя вслух, он говорил, что теперь ему еще труднее будет решаться на исполнение не концертных, а оперных партий, что вот Паваротти — это действительно певец, а он рядом с ним — в лучшем случае подмастерье. Кстати, Фрэнк Риццо как-то заметил, что Хворостовский — «чемпион по отказам от самых лестных предложений». Заметил в одобрительном тоне: не форсирует то, что нельзя форсировать, что должно прийти и придет в должный срок.

Очевидно, великий Паваротти имеет свою точку зрения на искусство Хворостовского, ибо именно его, а не кого-то иного выбрал партнером для одного из важнейших событий нью-йоркского театрального сезона — ежегодного гала-концерта, устраиваемого «Музыкальным Фондом Ричарда Такера». Обычно такого рода американские фонды называются по имени их основателей-миллионеров, но в этом случае название дано в честь знаменитого американского тенора,

стяжавшего мировую славу. После его смерти в 1975 году друзья и почитатели основали организацию, которая помогает молодым талантам и присуждает каждый год приз Такера лучшим вокалистам своей страны.

Нынешний благотворительный гала-концерт в «Линкольн-сен-тер» был 15-м по счету, билет на него стоил в среднем 350 долларов — к счастью, не для журналистов. И, как каждый год, участвовать в нем было приглашено целое созвездие, а сопровождать их исполнение дали согласие оркестр «Метрополитен опера» и один из лучших хороших коллективов. А президент фонда сын певца Барри Такер смог наконец осуществить давнюю мечту. Одной из любимейших вещей его отца был дуэт из «Силы судьбы» Верди, и Барри еще в прошлом году хотел включить его в программу, но тогда что-то помешало. Ныне же петь теноровую партию согласился сам Паваротти. Естественно, он же выбирал себе и партнера-баритона.

Недостатка в первоклассных исполнителях баритонального тембра Америка не испытывает, а в случае нужды фонд мог пригласить по выбору итальянского маэстро любого певца из любой страны. Лучано Паваротти остановил свой выбор на Дмитрии Хворостовском. Это помимо того, что сибиряку предстояло петь сольно арию из «Дона Карлоса». Вест об этом взволновала нью-йоркские музыкальные круги еще до концерта: если этот юный русский пройдет и такое испытание, если не сорвется от

волнения перед залом, где соберется «весь Нью-Йорк», то его успех, помноженный на триумф в «Карнеги», превратит Хворостовского в одну из крупнейших величин на певческой «бирже». Такие суждения мне приходилось слышать накануне дня, когда Дмитрий стал на сцене рядом с несравненным Лучано, вызвавшим бурю в зале до того, как издал первый звук.

Волновался ли Дмитрий? Он, человек гордый и самолюбивый, утверждает, что нет, несколько, все волнение было преодолено на репетициях, где Паваротти держался самым дружеским образом, хотя упорно отвечал партнеру только на родном итальянском — при том, что прекрасно владеет английским. Видимо, приучал молодого коллегу к «певческому» языку, которым тот, между прочим, и так уже неплохо владеет. Лично же у меня мнение противоположное: волновался Дмитрий, и даже очень. Во всяком случае, потом выяснилось, что Дима не заметил широкого бордюра из живых роз, отчеркнувшего сцену, не обратил внимания, что Лучано держал в руке огромный белый носовой платок, больше похожий на салфетку, не запомнил, что ему сказал Паваротти, одобряюще положив руку на плечо, а это все видели.

Что это было? Концерт? Нет, это было какое-то буйное пиршество вокальных виртуозов. Я имею в виду, что, помимо Паваротти, мне и всем, кто там был, выпала удача услышать знатнейшие оперные имена, лучшие женские и мужские голоса, которые сейчас блистают на оперных подмостках. И «весь Нью-Йорк» реагировал соответствующим образом. Безусловно, состязаться с Паваротти по части популярности пока не может никто, да и по мастерству тоже. Но как было приятно видеть, что и в этом изысканнейшем обществе мой земляк не потускнел, не потерялся, а, наоборот, сверкает, может быть, ярче, чем кто-либо. Если, конечно, продолжительность аплодисментов и дружных криков «Браво!» что-то значит.

Строгая и разборчивая «Нью-Йорк таймс» в рецензии на гала-концерт уделила Дмитрию Хворостовскому на несколько строчек больше, чем его супернасти-тому партнеру. Может быть, потому, что о Паваротти все, что можно сказать, уже сказано, все эпитеты исчерпаны. И опять — «богатое звучание», «внушительная сценическая осанка», «беспорный потенциал и привлекаемость голоса». И опять — рекомендация работать над «объемностью исполнения». А Фрэнк Риццо просто сказал: «Подумать только — ему ведь всего 28... Нам еще многое ждет, можете мне поверить».